

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІІІ

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1911

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
МАРТЪ 1911 Г.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ МУРАВЕЙНИКѢ.

(Встрѣчи и знакомства.)

I.

Горе тому отцу, который не выучитъ пребольно своего сына за первое стихотвореніе, а особливо я первую повѣсть,

В. Г. Вѣлискій.

ТЪ ТОИ самой поры, какъ я написалъ свою «первую повѣсть», за которую, по рецепту Вѣлискаго, мой отецъ долженъ былъ пребольно высѣчь меня розгами, прошло уже болѣе четверта вѣка, и я отнюдь не раскаиваюсь въ этой «пробѣ пера», такъ какъ именно благодаря ей я вошелъ въ литературную среду и получилъ возможность такъ или иначе познакомиться съ цѣлой «портретной галереей» интересныхъ литературныхъ дѣятелей. О нѣкоторыхъ своихъ встрѣчахъ и знакомствахъ я и хочу здѣсь рассказать.

Будучи гимназистомъ одного изъ послѣднихъ классовъ, я сочинилъ рассказъ подъ названіемъ «Странный случай», гдѣ описывалось совершенно невѣроятное происшествіе, ничего общаго съ дѣйствительной жизнью не имѣющее: неправдоподобный «случай», послужившій темою для разсказа, какъ и всѣ герои послѣдняго, были взяты мною изъ собственной головы. Само собой разумѣется, что разсказъ вышелъ крайне блѣднымъ и вымученнымъ. Тѣмъ не менѣе, подобно большинству начинающихъ авторовъ, я воялагалъ на немъ

рыя весьма скоро потомъ становились «секретомъ полишинеля». Васильевъ держалъ себя въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»,— по крайней мѣрѣ, на моей памяти, при В. А. Гринмутѣ,—чрезвычайно независимо: не ходилъ къ редактору «на поклонъ», не участвовалъ въ редакціонныхъ собраніяхъ и т. д. Отношенія его къ редакціи ограничивались тѣмъ, что онъ разъ въ недѣлю посылалъ на Страстной бульваръ свой очередной фельетонъ и разъ въ мѣсяцъ приходилъ туда же за гонораромъ, причемъ его появленіе въ нѣдрахъ гринмутовской «фабрики казеннаго патріотизма» производило всегда нѣкотораго рода сенсацію: сотрудники окружали его тѣснымъ кольцомъ и наперерывъ говорили ему комплименты, до которыхъ онъ былъ вообще большой охотникъ. Покойный,—надо ему отдать справедливость,—немного-таки страдалъ маніей величія. Онъ, на примѣръ, не допускалъ, чтобы въ статьяхъ его производились какія-либо, хотя бы малѣйшія измѣненія: повидимому, онъ цѣнилъ каждое свое слово, такъ сказать, на вѣсь золота. Въ общемъ, это былъ настоящій писатель-аристократъ съ салоннымъ лоскомъ даже въ манерѣ письма. Осторожный, мягкій, онъ не обмолвится ни однимъ словечкомъ, оскорбляющимъ слухъ, и если дастъ проглотить пилюлю, то сначала ее позолотитъ. Кичеева же можно назвать скорѣе писателемъ-демократомъ. Этотъ рубить прямо съ плеча, нисколько не заботясь о мягкости или галантности выраженій. Если онъ найдетъ нужнымъ, то не только дастъ вамъ проглотить пилюлю, не золотя ее, но и пригвоздитъ васъ къ позорному столбу. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ бывалъ часто совершенно невыносимъ. Со своимъ насмѣшливымъ задоромъ, съ привычкою всѣмъ «рѣзать правду» въ глаза онъ безпрестанно нарывался на скандалы, которые иногда оканчивались для него весьма плачевно. Но ни вызовы на дуэль, ни пощечины не помогали, и Кичеевъ остался вѣренъ себѣ до самой смерти. «Горбатаго» могла исправить лишь одна могила.

II.

Сотрудничеству въ «Радугѣ» я обязанъ, между прочимъ, и первой своей встрѣчей съ А. П. Чеховымъ. Не помню въ точности, въ которомъ это было году,—не то въ 83-мъ, не то въ 84-мъ,—но стоялъ морозный зимній день. Я зашелъ въ редакцію за какою-то справкой. Было воскресенье и, вѣроятно, по случаю праздничнаго дня никого изъ служащихъ тамъ не оказалось, кромѣ сторожа да какого-то молодого человѣка, который тоже, очевидно, только что вошелъ и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу, не зная, что ему предпринять: уходить или дожидаться. Съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ, до половины закрывавшимъ ему уши, съ круглой войлочной шапкой на головѣ и съ руками, засунутыми въ карманы, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка озябшаго.

— Чортъ знаетъ,—пробасилъ онъ,—вотъ уже другой день захожу понапрасну: у меня, наконецъ, времени нѣтъ!

И, какъ бы ища во мнѣ сочувствія, онъ пристально на меня взглянулъ, потомъ медленными шагами, слегка покачивающейся походкой направился къ выходу. Тотчасъ же вслѣдъ за нимъ и я вышелъ, сказавъ сторожу, что зайду завтра.

Молодой человѣкъ показался мнѣ очень симпатичнымъ и, нагнавъ его еще на лѣстницѣ, я поспѣшилъ завести съ нимъ разговоръ. Онъ очень ласково отвѣтилъ мнѣ на какой-то вопросъ и, когда мы вышли на улицу, въ свою очередь спросилъ:

— Вамъ куда: налѣво или направо?

— Налѣво!.. Впрочемъ, все равно, я съ удовольствіемъ пройду съ вами,—отвѣчалъ я, и мы пошли направо, по направленію къ Тверской улицѣ.

Мой собесѣдникъ оказался довольно разговорчивымъ. Я узналъ, что онъ студентъ-медикъ V курса и что онъ уже давно «пописываетъ въ разныхъ юмористическихъ журналчикахъ».

— Такъ, знаете ли, пустячки разные... Все-таки заработокъ!—проговорилъ онъ съ какою-то удивительно милой, дѣтской улыбкой на лицѣ и такимъ тономъ, какъ будто оправдывался, что позволялъ себѣ заниматься столь нехорошимъ дѣломъ.

— Я, вѣроятно, читалъ... А какъ ваша фамилія,—позвольте узнать?

— Чеховъ, Антонъ Павловичъ... Но я подписываюсь различно, чаще всего «Антоша Чехонте».

Фамилія «Чеховъ» ничего не говорила моему слуху, но подпись «Антоша Чехонте» мнѣ дѣйствительно припомнилась: гдѣ-то, со всѣмъ еще недавно я видѣлъ ее въ печати.

— Вы и въ «Радугѣ» сотрудничаете?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, только еще собираюсь, знаете ли... Хочу предложить Мансфельду одну драматическую вещь: вѣдь онъ самъ, кажется, драмодѣлъ... Можетъ быть, напечатаетъ!

— Конечно, напечатаетъ,—отозвался я.—А вы что, собственно, написали: комедію или драму?

Но Чеховъ не отвѣтилъ на мой вопросъ. Его глаза вдругъ какъ-то весело заискрились, онъ замедлилъ шаги и, взявъ меня подъ локоть, сказалъ своимъ низкимъ груднымъ голосомъ:

— Послушайте, хотите пиво пить? Вотъ тутъ хорошая портерная (онъ указалъ на выѣску). Или вамъ нельзя какъ гимназисту,—входить въ «богоугодныя заведенія» воспрещенъ? У насъ въ Таганрогѣ было очень строго на этотъ счетъ и отъ гимназистовъ требовалась полнѣйшая институтская невинность.

— Нѣтъ, у насъ ничего, можно...—поспѣшилъ я заявить своему спутнику и неожиданному компаньону, чувствуя себя въ душѣ чрезвычайно польщеннымъ его предложеніемъ.

Въ такомъ случаѣ *eamus et bibamus!*—весело воскликнулъ по-латыни Чеховъ, и мы зашли въ портерную.

Несмотря на значительную разницу лѣтъ между нами, Чеховъ относился ко мнѣ совсѣмъ по-товарищески, какъ равный къ равному, безъ всякаго менторства,—и это мнѣ ужасно понравилось.

Мы сѣли за мраморный столикъ, и за бутылкой пива снова потекли у насъ оживленная бесѣда.

Чеховъ пришелъ въ игривое настроеніе, мило шутилъ и, обращаясь къ служащему въ портерной мальчику, съ комичной почтительностью называлъ его по имени и отчеству. Потомъ онъ началъ мнѣ рассказывать про университетъ, мѣтко характеризую нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ «свѣтилъ» медицинскаго факультета, передавалъ смѣшные анекдоты о профессорахъ Захарьинѣ и особенно Бабухинѣ, и я покатывался со смѣху. Но вотъ онъ внезапно сталъ серьезенъ и задумался.

— О чемъ это вы?—спросилъ я.

— Послушайте,—началъ онъ, перемѣнивъ тонъ:—вотъ мы смѣемся, а это нехорошо надъ такими людьми смѣяться, ихъ уважать, благоговѣть передъ ними нужно... Подумайте только, сколько приносить и принесутъ еще пользы нашему отечеству эти благородные труженики науки!

— А вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я спустя нѣкоторое время,—думаете посвятить себя литературѣ, или тоже сдѣлаетесь какимъ-нибудь Захарьинымъ?

— Боже избави,—улыбнулся Чеховъ:—я даже и въ мечтахъ никогда не заношусь такъ высоко... Я просто буду земскимъ врачомъ—вотъ и все... а литература—это такъ, между прочимъ...

Онъ опять задумался.

— Я давно пришелъ къ заключенію,—продолжалъ онъ:—что настоящее, живое дѣло можно найти лишь въ деревнѣ, среди бѣдныхъ мужицкихъ хатъ, среди голоднаго, оборваннаго, темнаго люда, питающагося отрубями и мякиной... Подумайте же, какъ эти звѣроподобныя существа нуждаются въ помощи! Вотъ вы скоро гимназію кончите... Знаете что? Идите вы въ народные учителя, ей-Богу же, идите: это самая почтенная дѣятельность, которую только можно себѣ представить...

И Чеховъ съ жаромъ принялся развивать свою мысль, доказывая мнѣ, что, если, по окончаніи гимназіи, я не сдѣлаюсь тотчасъ же народнымъ учителемъ, то это будетъ съ моей стороны чуть ли не измѣной отечеству. Лицо его было совершенно серьезно, но мнѣ казалось, что онъ шутить.

Такъ прошло съ полчаса. Передъ нами стояли двѣ опорожненныя бутылки пива, разговоръ началъ изсыхать и мы разстались.

Послѣ этого я не встрѣчался съ Чеховымъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, когда онъ успѣлъ уже сдѣлаться знаменитымъ писателемъ и

имя его гремѣло на всю Россію. Наша новая встрѣча произошла лишь въ маѣ 1899 года, когда въ Москвѣ готовились Пушкинскія торжества по случаю столѣтней годовщины со дня смерти великаго поэта. Я сотрудничалъ тогда въ газетѣ «Русское Слово», еще только начинавшей свою впоследствии чисто феерическую карьеру и совѣмъ незадолго передъ тѣмъ влачившей жалкое существованіе въ рукахъ нѣкоего Анатолія Александрова, который «числился» почему-то приватъ-доцентомъ московскаго университета, хотя лекцій и не читалъ. Этотъ Александровъ являлъ собою образецъ настолько типичнаго русскаго интеллигента, что о немъ стоитъ поговорить. Съ виду онъ производилъ впечатлѣніе нигилиста, что-то въ родѣ Марка Волохова,—неуклюжій, съ лѣнливой, развалистой походкой, крайне неряшливо одѣтый, почти никогда не умытый и не причесанный, и волкомъ глядѣвшій на васъ исподлобья. Но вы съ удивленіемъ узнавали, что этотъ «нигилистъ» преусердно кладетъ въ церкви земные поклоны, соблюдаетъ всѣ посты и ежедневно читаетъ «Московскія Вѣдомости»; знакомство же ведетъ преимущественно съ «сильными міра», которые и помогаютъ ему обдѣлывать разныя «дѣлишки».

Когда Анатолій Александровъ задумалъ однажды «разбогатѣть», то онъ рѣшилъ издавать газету. Чѣмъ онъ самымъ дѣлѣлъ хуже другихъ? Вотъ Комаровъ сталъ издавать «Свѣтъ» и нажилъ сотни тысячъ. Вся суть въ томъ, чтобы выхлопотать себѣ дешевое изданіе, которое, благодаря доступной цѣнѣ, расходилось бы въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. А у него есть сильная «рука» въ Петербургѣ, въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева, и, конечно, ему дешевую газету разрѣшать.

Такъ и вышло. Александрову разрѣшено было издавать дешевую газету «Русское Слово» съ подписной платой 5 рублей въ годъ. И вотъ это диковинное изданіе начало выходить въ свѣтъ. Велось оно прямо-таки «кустарнымъ» способомъ, почти безъ помощи постороннихъ сотрудниковъ: весь газетный листъ заполнялся произведеніями самого редактора-издателя и членовъ его семьи. Направленіе газеты было, конечно, ультра-консервативное съ оттѣнкомъ яраго шовинизма. Послѣ десятка кликушескихъ, quasi-патріотическихъ передовыхъ статей, въ которыхъ восхвалялись прелести тогдашняго приказно-бюрократическаго строя, Александровъ ѣздилъ въ Петербургъ и привозилъ оттуда болѣе или менѣе жирную субсидію. Почти каждая такая поѣздка его, — а ихъ было нѣсколько въ годъ, — обязательно сопровождалась «подачкой».

— Ну что, Анатолій Александровичъ, благополучно съѣздили? Можно поздравить? — не безъ единства освѣдомлялись «благоспріятели» и тутъ же прибавляли: — конечно, вы пригласите теперь хорошихъ сотрудниковъ, и газета пойдетъ бойко, не правда ли?

Александровъ молчалъ, но добродушно-плутоватая улыбка, появлявшаяся на его лицѣ, говорила:

— Какъ бы не такъ! Нашли тоже просточка!

И дѣйствительно: субсидіи незамѣтно таяли въ его рукахъ, а злополучная газета продолжала издаваться все тѣмъ же «кустарнымъ способомъ», и ея скудный тиражъ быстро шель на убыль.

Тогда кто-то надоумилъ И. Д. Сытина, учредителя извѣстнаго московскаго книгоиздательства, купить у Александрова «Русское Слово». Сытинъ «рискнулъ» и приобрѣлъ «дышащее на ладанъ» изданіе. Будучи человѣкомъ большой коммерческой сметки, онъ зналъ, что не будетъ въ проигрышѣ и сразу поставилъ дѣло на широкую ногу: организовалъ контору газеты съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, сформировалъ редакцію, поставивъ во главѣ ея редактора имъ же издаваемого журнала «Вокругъ Свѣта» Е. Н. Киселева, и привлекая къ сотрудничеству нѣсколько видныхъ московскихъ журналистовъ. Газета оживилась и пошла въ гору. Но Сытинъ недоволенъ былъ успѣхами своего «Русскаго Слова» и вначалѣ все жаловался. Помнится, при первомъ же моемъ появленіи въ редакціи онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ съ цѣлой іереміадой, заканчивавшейся словами:

— Вы ужъ насъ пожалѣйте: наша газетка бѣдная...

Конечно, «приходилось жалѣть» бѣднаго издателя и пяточокъ за строку считать превосходнымъ гонораромъ. Между тѣмъ тиражъ газеты уже въ то время доходилъ до 20 тысячъ экземпляровъ въ день, что для начала можно было считать прямо великолѣпнымъ. Но Сытину съ его сангвиническимъ темпераментомъ, повидимому, сразу хотѣлось загребать золотыя горы, и «малымъ» довольствоваться онъ не желалъ.

Вскорѣ послѣ меня къ сотрудничеству въ «Русскомъ Словѣ» былъ привлеченъ знаменитый тогда публицистъ С. Ф. Шараровъ, прославившійся своею походою противъ Виттевской золотой валюты и потерпѣвшій полное крушеніе въ видѣ прекращенія навсегда издававшагося имъ журнала «Русскій Трудъ». Переступая порогъ новой редакціи, Шараровъ мечталъ произвести въ газетѣ коренныя реформы, очистить ее, выкурить изъ нея «уличный букетъ», какъ онъ выражался.

— Удивляюсь, господа, какъ вы можете дышать въ подобной атмосферѣ: вѣдь это же такое нестерпимое зловоніе, что надо зажимать носъ!—волнуясь и жестикулируя, началъ онъ свою образную «шараровскую» рѣчь, обращаясь къ кому-то изъ сотрудниковъ въ присутствіи редактора Киселева.—Посмотрите, что у васъ дѣлается въ хроникѣ, въ репортажѣ: сплошной шантажъ! А ваши злободневные фельетоны,—въ нихъ нѣтъ ни искорки остроумія, ни литературности, ни даже простой элементарной грамотности, въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ тупого, бессмысленнаго зубоскальства...

Добродушный Е. Н. Киселевъ внимательно выслушивалъ отповѣдь Шарарова и соглашался съ нимъ. Самъ онъ, въ сущности, безсиленъ былъ что-либо предпринять къ улучшенію газеты. Дѣло въ томъ

что онъ былъ лишь номинальнымъ ея редакторомъ, фактически же въ ней полновластно распоряжался Аксель Карл. Гермоніусъ, одесскій журналистъ ¹⁾, приглашенный Сытинымъ на амплу секретаря редакціи. Гермоніусъ спустилъ газету на самое дно мелкой уличной прессы: въ ней въ изобиліи появилась порнографія и стали процвѣтать разные шутовскіе отдѣлы съ коротенькими строчками и нелѣпыми абзацами. Въ фельетонахъ царили Берендей и Мясницкій. Первый подъ видомъ злободневной «свистопляски» описывалъ московскихъ купчихъ, а второй развращалъ читающую публику, повѣствуя о томъ, какъ кучеръ Фалалей попалъ въ любовники къ одной замоскворѣдской Дульцинеѣ и «дочиста ее обобралъ». Матеріалъ для хроники доставлялся преимущественно двумя юркими репортерами еврейскаго типа, за которыми приходилось, какъ говорится, «глядѣть въ оба». Сколько хлопотъ и огорченій причиняли они, бывало, бѣдному Е. Н. Киселеву! Онъ почти ни во что въ газетѣ не вмѣшивался, предоставляя Гермоніусу свободу дѣйствій, но за хроникой слѣдилъ зорко и неусыпно, внимательно прочитывая въ корректурѣ каждую строчку. Бывало, войдешь къ нему въ редакторскій кабинетъ,—онъ сидитъ надъ гранками блѣдный, съ страдальческимъ выраженіемъ лица.

— Что съ вами, Евграфъ Николаевичъ? Вы больны?

Киселевъ сердито бросалъ на столъ свой толстый цвѣтной карандашъ и въ отчаяніи хватался за голову обѣими руками.

— Еще бы! Какъ тутъ не заболѣть!—восклицалъ онъ тономъ измученнаго человѣка.—Вы только посмотрите на эту жишовскуюстряпню, поднесите ее къ носу, понюхайте: вѣдь пахнетъ самымъ грязнымъ, самымъ возмутительнымъ шантажомъ!

И онъ давалъ мнѣ прочитывать замѣтку, въ которой измышлялось какое-нибудь неправдоподобное, клеветническое извѣстіе, имѣвшее цѣлью или пошатнуть репутацію почтенной торговой фирмы или втоптать въ грязь доброе имя извѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Вотъ этотъ «уличный букетъ» и задумалъ выкурить изъ «Русскаго Слова» С. Ф. Шараровъ. Задача была не изъ легкихъ. Впрочемъ, ему отчасти благопріятствовала сама судьба, ибо Гермоніусъ уѣхалъ въ продолжительный лѣтній отпускъ, и фактическимъ редакторомъ въ его отсутствіе *volens nolens* сдѣлался Киселевъ. Шараровъ тотчасъ же почувствовалъ себя хозяиномъ положенія и съ жаромъ принялся за «чистку». Началъ онъ съ того, что почти никому изъ сотрудниковъ не давалъ писать, стараясь заполнить всю газету своими собственными статьями. А легкость и быстрота, съ какими онъ ихъ писалъ, были просто изумительны. Достаточно сказать, что иногда онъ

1) А. К. Гермоніусъ долгое время состоялъ фактическимъ редакторомъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худекова и послѣ одной непріятной исторіи въ Петербургѣ вынужденъ былъ перебраться въ Одессу.

успѣвалъ «настроичить» въ извозчичьей пролеткѣ во время переѣзда изъ своей квартиры въ редакцію цѣлый фельетонъ строкъ въ пятьсотъ. Работать же онъ могъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ: напр., въ редакціи идетъ оживленный разговоръ, шумъ, смѣхъ, — а онъ приткнется гдѣ-нибудь въ неудобнѣйшей позѣ, какую только можно себѣ представить, — или на краю стола или на подоконникѣ, — и исписываетъ листъ за листомъ, рѣшительно никого не замѣчая. Шараповъ буквально наводнилъ «Русское Слово», — и передовыми статьями, и фельетонами, и еще какими-то «Дневниками земледѣльца; словомъ, и въ верху, и въ серединѣ, и въ низу газеты былъ все тотъ же неистоичимо-плодовитый Шараповъ, подававшійся подъ равными соусами... Волками звывли тогда сотрудники «Русскаго Слова», а одинъ изъ нихъ, нѣкій Іорданъ, «передовикъ», писавшій самыя невѣроятныя пошлости о чемъ угодно и сколько угодно и теперь, по милости Шарапова, почти лишившійся заработка, даже запилъ съ горя и, какъ мнѣ въ послѣдствіи передавали, пропилилъ не только все свое носильное платье, но и дворянскую фуражку, которой весьма гордился.

Вскорѣ вернулся изъ отпуска Гермоніусъ, и все пошло по старому. Борьба оказалась Шарапову не по силамъ, и «оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ журналистъ» вынужденъ былъ съ достоинствомъ ретироваться, еле успѣвъ довести до конца первую часть своей повѣсти «Черезъ полвѣка», а Мясницкій снова занялъ утраченную было въ газетѣ позицію...

Выше я вскользь упомянулъ о готовившихся въ Москвѣ Пушкинскихъ торжествахъ. Хорошо помню день 27 мая 1899 года, когда въ колонной залѣ «россійскаго благороднаго собранія» должно было состояться торжественное засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти А. С. Пушкина. Въ этотъ день уже съ 11 часовъ утра всѣ члены редакціи «Русскаго Слова» были въ сборѣ. Обсуждался между прочимъ вопросъ, кто будетъ читать привѣтственный адресъ, составленный Гермоніусомъ. Большинство отказывалось отъ этой «чести» подъ разными предлогами, не исключая самого составителя, который отговаривался тѣмъ, что у него «зубъ со свистомъ». Киселевъ заявилъ, что онъ «не въ голосѣ» да и вообще не привыкъ выступать на эстрадѣ въ качествѣ солиста, а Сытинъ, которому также была предложена эта роль, испуганно замахалъ руками и откровенно сознался, что въ тотъ моментъ, когда ему придется вымолвить первое слово, у него сдѣлается «здоровенная спазма» въ горлѣ и что ничего изъ этого, кромѣ скандала, не получится. Очередь дошла до меня, и я «храбро принялъ вызовъ». Однако, ознакомившись съ текстомъ адреса, я пришелъ въ сильное смущеніе, такъ какъ увидѣлъ, что послѣдній на три четверти былъ посвященъ самой беззастѣнчивой рекламѣ «товарищества И. Д. Сытина». Оказалось потомъ, что Гермоніусъ написалъ свое «сочиненіе»

подъ вліяніемъ и въ угоду одного изъ директоровъ правленія названнаго товарищества.

— Господа, я не стану читать подобнаго адреса!—обратился я къ присутствовавшимъ.—Это не привѣтствіе отъ литературныхъ изданій, газеты «Русское Слово» и журнала «Вокругъ Свѣта»,—а самая настоящая да къ тому же и совсѣмъ неумѣстная реклама торговой фирмы... Какъ хотите, господа, но я читать отказываюсь!

Гермониуса покорило отъ моихъ словъ, его большіе стеклянные глаза сразу сдѣлалась злыми, и, едва скользнувъ взглядомъ по моему лицу, онъ криво усмѣхнулся.

— Ну, и не читайте!—бросилъ онъ куда-то въ сторону.—Мнѣ въ высокой степени наплевать, а если хотите, такъ даже и на..... (онъ произнесъ свое любимое «непечатное словцо»).

Я уже готовъ былъ вспыхнуть, но мягкій и джентльменски-корректный Е. Н. Киселевъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, явился нашимъ примирителемъ.

— О чемъ тутъ разговаривать, господа?—вмѣшался онъ.—Если адресъ не вполне удаченъ, то можно его сейчасъ же исправить: у насъ еще много времени... Ну-съ, господа, давайте... за работу!

Черезъ нѣсколько минутъ былъ составленъ и уже отпавленъ въ типографію новый адресъ, вполне приличный, который я и согласился прочесть въ засѣданіи общества любителей россійской словесности.

Сытинъ былъ чрезвычайно обрадованъ столь благополучнымъ исходомъ дѣла и «на радостяхъ» успѣшилъ пригласить меня завтракать въ «Славянскій Базаръ».

— Тамъ будетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ,—добавилъ онъ, какъ бы вскользь, повидимому, и не подозрѣвая, какое впечатлѣніе произведутъ на меня эти слова.

— Антонъ Павловичъ?!—воскликнулъ я, чувствуя, какъ отъ волненія у меня сильно забилося сердце.—Онъ здѣсь сейчасъ, въ Москвѣ?

— Да, вчера только пріѣхалъ... Вызвалъ меня къ телефону, уговорились встрѣтиться въ ресторанѣ въ 12 часовъ... Батюшки! Четверть перваго уже... Скорѣй, скорѣй ѣдьте!

И мы немедленно поѣхали въ «Славянскій Базаръ». Лѣтъ пятнадцать я не видѣлъ Чехова и мнѣ такъ страстно хотѣлось взглянуть на него, какъ говорится, «хоть однимъ глазкомъ», посмотрѣть, каковъ онъ теперь, этотъ скромный студентъ, сидѣвшій со мной въ пивной и рассказывавшій смѣшные анекдоты про Бабухина, отъ которыхъ я хохоталъ до слезъ,—каковъ онъ въ роли знаменитаго писателя. Я прямо горѣлъ отъ любопытства, и когда мы вошли въ общій залъ ресторана, гдѣ долженъ былъ находиться Чеховъ, чувствовалъ, что никого не вижу и не хочу видѣть, кромѣ него. Глаза мои разсѣянно

блуждали по сторонамъ, и все окружающее сплвалось для меня въ одинъ воображаемый образъ.

— Да гдѣ же онъ, наконецъ, гдѣ Антонъ Павловичъ?—нетерпѣливо вырвалось у меня вслухъ.

— А вотъ онъ сидитъ на диванчикѣ-то, —махнуль Сытинъ рукой куда-то влѣво и пошелъ впередъ.

Тутъ только я замѣтилъ Чехова. Онъ сидѣлъ, какъ мнѣ показалось, въ глубокой задумчивости, слегка согнувшись на бокъ и откинувшись головой назадъ, въ той любимой своей позѣ, которую я такъ часто встрѣчалъ потомъ на многочисленныхъ его фотографическихъ изображеніяхъ. Лицо у него было изжелта-блѣдное, сумрачное, и весь онъ имѣлъ чрезвычайно утомленный, почти измученный видъ: роковая болѣзнь, сведшая его въ могилу, очевидно, уже давала себя чувствовать. Когда подошелъ къ нему Сытинъ съ какимъ-то ласковымъ возгласомъ, Чеховъ вяло улыбнулся одними уголками губъ, чуть-чуть привсталъ и, опустившись на мѣсто, сталъ теревить пальцами свою русскую бородку. Вслѣдъ за тѣмъ и я приблизился къ нему и, отрекомендовавшись, сказалъ, что когда-то имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ въ редакціи одного маленькаго журнальчика.

— Какъ же, какъ же, помню...—проговорилъ Чеховъ своимъ бархатнымъ баскомъ, но я отлично замѣтилъ по выраженію его лица, что онъ совершенно не помнитъ ни меня, ни обстоятельство нашей встрѣчи, и только изъ любезности не хочетъ въ этомъ сознаться.

Мы сѣли за столъ, и намъ вскорѣ подали завтракъ. Чеховъ почти ничего не ѣлъ, а вина даже совсѣмъ не пилъ и все время былъ мраченъ. Трудно было втянуть его въ разговоръ. Онъ или молчалъ, или давалъ односложные отвѣты на обращенные къ нему вопросы. Только разъ онъ оживился, когда рѣчь зашла о Львѣ Толстомъ.

— Я недавно былъ у него въ Ясной Полянѣ, —заговорилъ Чеховъ, и сумрачное лицо его вдругъ просвѣтлѣло.—Какой же это интересный человѣкъ: если попробовать его изучать, то можно въ немъ провалиться, какъ въ бездонномъ колодцѣ... А какая сила духа! Когда говоришь съ нимъ, чувствуешь себя въ полной его власти... Я не встрѣчалъ людей болѣе обаятельныхъ и болѣе, такъ сказать, гармонически созданныхъ. Онъ весь гармонія и красота. Въ его плѣнительномъ духовномъ образѣ нѣтъ ни одной черточки, ни малѣйшаго штриха недоконченнаго: все въ немъ опредѣленно, точно и ясно до послѣдней степени. Это человѣкъ почти совершенный. Близорукіе критики указываютъ на раздвоенность, будто бы, въ его натурѣ, говорятъ, что художникъ въ немъ одно, а философъ другое, и что оба эти начала, яко бы, враждуютъ между собой... Какой вздоръ! Толстой столько же философъ въ художественномъ творествѣ, сколько художникъ въ философіи... Это удивительно цѣльная натура.

Въ доказательство своей мысли Чеховъ привелъ двѣ цитаты изъ произведеній Толстого, одну—изъ «Войны и мира», другую—изъ «Крейцеровой сонаты», и замолкъ. Заставить его вновь разговориться мнѣ такъ и не удалось больше. А между тѣмъ время приближалось уже къ двумъ часамъ. Пора было ѣхать въ собраніе.

— А что же вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я:—развѣ не примете участія въ Пушкинскихъ празднествахъ?

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ ужь? У меня же и костюма нѣтъ подходящаго.. Тамъ и безъ меня обойдутся,—отвѣчалъ онъ съ обычной своей скромностью.

— Помилуйте, какъ обойдутся безъ васъ?—горячо возразилъ я ему.—Да вѣдь вы теперь единственная краса и гордость нашей литературы послѣ Пушкина! Кто же, кромѣ Толстого, можетъ оспаривать у васъ первое мѣсто? Нѣтъ, Антонъ Павловичъ, ваше отсутствіе на сегодняшнемъ юбилейномъ торжествѣ будетъ чрезвычайно замѣтно.

Чеховъ загадочно улыбнулся, и сказала:

— Ничего, найдутся другія свѣтила, поярче... Развѣ ужь ихъ мало въ Москвѣ?

На этомъ у насъ кончился разговоръ, и мы разошлись.

Въ третій и въ послѣдній уже разъ я встрѣтился съ Чеховымъ года за два до его смерти. Это было зимою. Онъ шелъ по Неглинной съ артистомъ Художественнаго театра А. Л. Вишневымъ, направляясь къ конторѣ государственнаго банка, гдѣ они и расстались у самаго подѣзда. Какъ разъ въ это время я изъ банка выходилъ, и мы сошлись съ Чеховымъ лицомъ къ лицу. Къ удивленію моему, онъ узналъ и окликнулъ меня первый.

— А я, знаете ли, по финансовому дѣлу спѣшу,—сказалъ онъ, наскоро пожимая мнѣ руку:—нужно совершить маленькую операцію... Да, боюсь, не опоздалъ ли?

— Да, пожалуй, что и поздно: уже около 3-хъ часовъ... А у васъ что за операція?

— Размѣнять хочу процентную бумагу...

— Вотъ что, Антонъ Павловичъ,—предложилъ я:—позвольте ужь оказать вамъ маленькую услугу: у меня здѣсь хорошіе знакомые есть, и я попрошу, чтобъ вамъ сдѣлали все, что нужно, безъ задержки.

Чеховъ поблагодарилъ, и мы сейчасъ же поднялись съ нимъ наверхъ по лѣстницѣ въ фондовое отдѣленіе. Никогда не забуду, какую сенсацію произвело здѣсь неожиданное появленіе популярнаго писателя, котораго всѣ немедленно узнали и безцеремонно принялись разсматривать. «Чеховъ, Чеховъ!» слышались отовсюду сдержанныя восклицанія. Многіе оставили свои занятія и повскакали съ мѣсть, чтобъ лучше его разглядѣть,—однимъ словомъ, поднялся цѣлый переполохъ... Даже управляющій кон-

торою Н. Я. Малевинскій, которому, очевидно, доложили о приходѣ Чехова, вышелъ изъ своего кабинета и поспѣшно направился къ намъ. Поздоровавшись съ Антономъ Павловичемъ и сказавъ по его адресу нѣсколько любезностей, онъ распорядился, обращаясь къ чиновнику, который и безъ того ужъ, какъ говорится, «изъ кожи лѣзъ вонъ», чтобъ расчетъ былъ произведенъ «безъ малѣйшаго замедленія».

— Моя протекція оказалась излишней,—сказала я Чехову вполголоса:—вотъ что значить быть знаменитымъ писателемъ!

Но я видѣлъ, что Чехову совсѣмъ не нравилось въ данный моментъ «быть знаменитымъ писателемъ», и отъ того, что онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, его замѣтно коробило. Онъ весь какъ-то съехался и старался ни на кого не глядѣть. Помнится, я заговорилъ съ нимъ о Максимѣ Горькомъ, съ которымъ онъ находился тогда въ близкихъ отношеніяхъ. У всѣхъ еще былъ въ памяти надѣлавшій много шума инцидентъ въ Художественномъ театрѣ, когда Горькій, мирно бесѣдовавшій съ Чеховымъ въ одномъ изъ антрактовъ за стаканомъ чаю, вдругъ обратился къ обступившей ихъ столику любопытствующей публикѣ съ чрезвычайно рѣзкой фразой: «Чего вы глазѣте? Я вѣдь не балерина и не утопленникъ» и т. д.

— Неужели все это такъ происходило, какъ писалось въ газетахъ?—спросилъ я Чехова.

— Ахъ, ничего подобнаго!—отвѣчала онъ съ досадой и поморщился.—Это же все страшное репортерское лганье... Послушайте, да развѣ же могъ Горькій такъ поступить? Никогда! Онъ слишкомъ уменъ для этого...

И Чеховъ, нѣсколько волнуясь, сталъ мнѣ рассказывать, какъ «инцидентъ» происходилъ въ дѣйствительности. Оказывается, что Горькій не говорилъ публикѣ никакихъ рѣзкостей и лишь попросилъ, чтобъ ему дали возможность «спокойно бесѣдовать съ Антономъ Павловичемъ безъ свидѣтелей».

III.

Въ моей жизни была полоса, — какъ это ни кажется мнѣ теперь страннымъ и смѣшнымъ, — когда я былъ довольно близокъ съ редакціей грингмутовскихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Ревностный послѣдователь и «выученикъ» Каткова В. А. Грингмутъ получилъ аренду названной газеты въ концѣ 1896 года, послѣ того, какъ покинулъ постъ директора лицея цесаревича Николая. Припоминается мнѣ другой директоръ этого же учебнаго заведенія, его предшественникъ, К. Н. Станишевъ, съ которымъ я вель тогда знакомство и отъ котораго много слышалъ о Грингмутѣ.